ности в них фактически отождествляется с бытием[25]. Специальное обсуждение этой вполне самостоятельной и, как представляется, кардинальной темы всецело, однако, выходит за предметные рамки настоящей статьи.

## ДВА ЭТАПА РАЗВИТИЯ РЕНЕССАНСНОЙ МЫСЛИ

### *В.М. Богуславский*

Поиски путей, ведущих к успешному достижению достоверного, истинного знания об явлениях мира, окружающего нас, а также нашего внутреннего мира, привели к возникновению трех философских учений.

Согласно одному из них, самому оптимистическому, пути, ведущие к истинному знанию, людьми найдены, следуя этими путями они уже достигли ряда абсолютных истин и с течением времени безусловно достигнут тех совершенных знаний, которые им пока еще неизвестны.

Другая доктрина, самая пессимистическая, настаивает, что знание, являющееся истинным отражением имеющего место в действительности (определенных вопросов или всех без исключения вопросов), для нас принципиально недостижимо, нет пути, ведущего к истинному знанию реального положения вещей, ибо препятствия, встречаемые нами на этом пути абсолютно непреодолимы.

Третья теоретико-познавательная концепция исходит из того, что истинность множества положений, признаваемых несомненными всеми (или почти всеми) людьми, доказана не более, чем их ложность; более того, сам вопрос, сможем ли мы когда-нибудь найти неопровержимое доказательство истинности тех или иных наших знаний, остается открытым. Поиски ответа на этот вопрос необходимо продолжать, но никакой гарантии, что они увенчаются успехом, нет.

Сторонники первой из названных концепций именуются догматиками, сторонники второй – агностиками, сторонники третьей – скептиками. Так как скептики часто оперируют аргументами, выдвигаемыми агностиками против познаваемости мира, в философской литературе их нередко отождествляют с агностиками, что, разумеется, совершенно не верно: обстоятельство, которое надо учитывать при рассмотрении скептицизма Возрождения.

Отождествляя скептицизм с концепцией, совершенно дискредитирующей все имеющиеся в нашем распоряжении естественные познавательные средства – разум и опыт – и провозглашающую, что истину нам

---

[25] Классический пример – определение онтологии в очень популярном в настоящее время англо-американском философском лексиконе Т. Хондерика: "Онтология, трактуемая как ветвь метафизики, есть наука о бытии в общем виде, включающей такие проблемы, как природа существования и категориальная структура реальности". См.: The Oxford Companion of Philosophy / Ed. by T. Honderich. Oxford.; NY, 1995. P. 634. Первая и основная часть цитируемого определения полностью соответствует трактовке онтологии у рассмотренных немецких философов XVII столетия, уточнение же в связи с "категориальной структурой реальности" – явное смешение "реальности" с "бытием", поскольку категориальные онтологические системы начиная с платоновской релевантны только в связи с "бытием", но никак не с "реальностью".

открывает сверхъестественно вера, некоторые современные историки философии расценивают скептицизм эпохи Возрождения как доктрину антиинтеллектуалистскую и фидеистическую. В средние века, говорит, например А. Крессон, в результате многовекового безраздельного господства традиционного догматического, антиинтеллектуалистского фидеистического образа мышления, дух свободного исследования был погружен в глубокий сон: "Так как он спал, человеческое воображение соорудило из идей великолепный собор, и душа средневековых людей укрылась в нем. Они верили, что нашли свет истины"[1]. В XVI в. дух свободного исследования пробудился; под его воздействием здание, в котором люди "наслаждались миром", разрушается. Возникает необходимость его восстановления. В это время скептицизм выступил силой, призванной его восстановить, укрепить все, что оказалось поколебленным бурными событиями этой эпохи. Долой свободное исследование, оно бесполезно и опасно, да здравствует старина, старые, освященные многовековой традицией социально-политические порядки, старые философские воззрения и этические нормы – таков, по Крессону, девиз скептицизма XVI в. Этот скептицизм, по мнению Крессона, есть не деструктивное, а конструктивное течение мысли, не доктрина, потрясающая устои средневекового образа мышления, а воззрение, выступающее как средство спасения этих устоев, средство успокоения сил, выступивших против царивших в средние века идей, против привычных установлений и традиций, орудие, призванное обуздать "дух свободного исследования", воспрепятствовать его борьбе против традиционных представлений.

Ф. Коплстон тоже пишет, что возникший в XVI в. скептицизм стоял на позиции "защиты традиционных социальных, политических и религиозных форм"[2]. По Коплстону, скептики XVI в. существенно отличались от их античных предшественников тем, что отстаивали взгляд, согласно которому познавательное бессилие разума оставляет человеку только веру. И. Фишль утверждает, что представители скептицизма Возрождения – это агностики, считающие, что нельзя доверять ни ощущениям, ни разуму, и призывающие доверяться только вере[3]. По мнению М. Дриано скептицизм XVI в. "старается унизить разум", укрепить веру. В эту эпоху, пишет М. Дреано, "церковь (католическая церковь. – *В.Б.*) считала своими врагами рационалистов и протестантов: ее союзниками были пирроники"[4].

В книге, специально посвященной скептицизму XVI–XVII вв. Р. Попкин доказывает, что этот скептицизм был важнейшим идейным оружием Контрреволюции[5]. Аналогичным образом характеризуют скептицизм рассматриваемой эпохи Г. Трюк (1946 г.), П. Баррьер (1948 г.), Г. Фридрих (1949 г.), Ж. Шевалье (1956 г.), Ж. Кальве (1950 г.)

---

[1] *Cresson A.* Les courants de pensée francaise. P., 1927. P. 5.
[2] *Copleston F.* The history of philosophie. L., 1955. Vol. 8. P. 228–229.
[3] *Fischl J.* Geschichte der Philosophie. Dresden, 1949. Bd. II. S. 52.
[4] *Dreano M.* La pensée religieuse de Montaigne. P., 1930. P. 258.
[5] См.: *Popkin R.H.* The history of Scepticism from Erasmus to Spinoza. Berkeley, 1979. P. 5.

и ряд других историков философии. Внимательное исследование того, что в действительности происходило в Европе в период с XIV до начала XVIII в., решительно опровергает изложенное выше мнение названных ученых – не только их трактовку ренессансного скептицизма, но и ту оценку, которую они дают содержанию и историческому значению всей вообще эпохи Ренессанса. Эта эпоха, ставшая величайшим из всех происходивших до того в истории переворотом, была ознаменована рядом глубоких изменений в материальной и духовной жизни Европы.

Большую роль в этих изменениях сыграли выдающиеся достижения XIV и XV вв. в технике. Среди них на первое место современники единодушно ставили изобретение печатного станка и широкое распространение книгопечатания, а также усовершенствование конструкции компаса, благодаря которому мореплаватели получили возможность совершать путешествия на как угодно далекие расстояния, и появление артиллерии. Из этих завоеваний техники особенно глубокие перемены в бытии и сознании людей вызвали книгопечатание и компас. Только за последние 60 лет XV в. из печати вышли различные книги тиражом более 30 тыс. экземпляров, неслыханным прежде, в эпоху переписки текстов вручную. Новая мысль, высказанная философом, открытие, сделанное ученым, страна или народ, впервые обнаруженные путешественником, становились известны огромному множеству людей в различных концах Европы с непостижимой для средневекового сознания скоростью. Это существенно сказывалось на изменениях, которые совершались в головах образованной части европейского населения. Значительные успехи мореплавания благодаря компасу привели к колоссальному росту масштабов международного торгового и культурного обмена. Сведения о странах и народах, до того почти неизвестных или вовсе неизвестных европейцам, разрушали привычные представления, наносили серьезные удары той узости кругозора, которая была типичной чертой сознания почти всех европейцев в средние века.

Не менее сильный удар по узости средневекового кругозора нанесло то обстоятельство, что весьма ограниченные знания об античном мире, которыми располагало средневековье, существенно расширились за счет многочисленных философских, научных, художественных произведений античности, впервые ставших доступными западноевропейскому читателю в XIV и XV в. Яркая, многогранная культура античного мира, бьющая в ней ключом общественная жизнь, богатство идей, выдвинутых различными философскими школами, свободно обсуждавшими свои разногласия, – все это уже в первой половине XIV в. (когда в руках европейцев оказалась сравнительно небольшая часть тех памятников греческой и римской культуры, с которыми они ознакомились позднее) произвело глубокое впечатление на представителей оппозиционной университетской мысли.

Возникновение в торгово-промышленных городах широкого круга образованных людей, приобретавших и обогащавших свои знания за пределами университетов и монастырей, их знакомство с обширной античной литературой обнажили крайнюю ограниченность, скудость средневековых знаний, шаткость, а нередко и ошибочность взглядов,

принципов, идеалов, институтов, истинность, справедливость, ценность которых представлялись до того несомненными.

Таким образом, И. Кеплер имел все основания писать в своей работе, вышедшей в 1606 г.: "За последние 150 лет произошло так много и столь значительных событий, что больше едва ли и могло произойти..."[6].

Исключительно важным фактором, обусловившим переворот в умственной жизни западноевропейского общества, были социально-политические и экономические изменения, которые принесло с собой возникновение и развитие крупных торгово-промышленных центров.

Каковы особенности культуры, возникшей примерно в середине XIV в. и развивавшейся до начала XVII в., культуры, обычно именуемой культурой Возрождения? Эта эпоха отмечена таким пышным интеллектуальным расцветом, какого Европа не знала со времен античности. Наряду с необычайным по сравнению с предшествующими веками расширением знаний, позволившим в некоторых отношениях превзойти древних, на духовную жизнь эпохи наложил глубокий отпечаток высочайший расцвет искусства. В архитектуре и скульптуре, в литературе и живописи создаются шедевры, по сей день вызывающие изумление и восхищение, шедевры, еще в большей степени изумлявшие и восхищавшие современников их создателей.

На смену представлению о пропасти, отделяющей творца от его творения, всемогущего предвечного бога от тленного мира природы и прозябающего в нем жалкого грешного человека, приходит реабилитация природы и человека, всего земного мира, сближение человека с Богом, несущее в себе тенденцию к их слиянию. Зависимость решения любой проблемы от ее отношения к Богу, ориентация на мир иной, на спасение души после смерти отодвигаются на второй план. Внимание сосредоточивается на происходящем в посюстороннем мире, на потребностях и возможностях человека, на его земных делах и выдвигается требование: "чтобы смертные прежде всего заботились о смертных вещах"[7], как писал Фр. Петрарка. Ортодоксальный христианский взгляд, рассматривающий все удовольствия, к которым влечет человека его природа, как нечто исходящее от дьявола, отчетливо выражен в формуле: "Верх святости состоит, как признают святые, не только в том, чтобы мы отдаляли тело от наслаждения, но и в том, чтобы истязали его всячески мучениями и страданиями"[8], как говорится в средневековом жизнеописании Бернардина Реалина. Этике, подчеркивающей греховность отягощенной первородным грехом природы человека и проповедующей умерщвление плоти, противопоставляется призыв положить в основу нравственности потребности человеческой природы. Сохраняя веру в спасение, даруемое душам праведных людей в загробном мире, гуманисты тем не менее призывает людей посвятить все свои силы активной деятельности, позволяющей достичь нравственного и

---

[6] *Kepler J.* Gesammelte Werke. München, 1938. Bd. 1. S. 329.

[7] *Петрарка Фр.* Автобиография. Исповедь. Сонеты. М., 1915. С. 212.

[8] См.: *Эйкен Г.* История и системы средневекового миросозерцания. П., 1907. С. 716.

социального, интеллектуального и физического совершенства. Как справедливо отмечает В.В. Соколов, прославление гуманистами активной человеческой деятельности представляло собой концепцию, противоположную созерцательности, присущей традиционному средневековому мировоззрению[9]. Высокая оценка земной деятельности человека и прославление величия ее плодов налицо уже у Данте и "первого гуманиста" Фр. Петрарки. Осуждение взгляда, побуждающего чураться мира – отсюда отрицательное отношение к монашеству – убеждение, что человека возвышает не уход от мира, не пассивность, а использование им своего "дара познавать и действовать", деяния его ума и его рук, еще более энергично выражены у ренессансных мыслителей, выступавших позднее – в XV и XVI вв.

В число произведений, содержащих истины первостепенной важности, гуманисты включают множество источников, ранее либо вовсе неизвестных, либо известных, но решительно отвергавшихся, считавшихся еретическими. Нужно, провозглашают мыслители Возрождения, чтобы одновременно для нас звучали голоса, отстаивающие различные, даже противоположные воззрения. Лишь вслушавшись в этот многоголосый хор, вдумавшись в звучащие в нем аргументы и контраргументы, можем мы найти верное решение волнующих нас вопросов. Ренессансное мировоззрение решительно выступает за свободу мысли.

Деятели Возрождения, конечно, христиане. Но их концепция, обнаруживающая христианство во всех верованиях и всех философских учениях, существовавших и до Христа и после него, очень отличается от того христианства, каким оно было с момента возникновения. Эта концепция естественно рождает пантеистические и деистические тенденции. В сознании гуманистов происходит секуляризация всей культуры – философии и этики, науки и искусства.

Одна из важнейших черт культуры Возрождения – огромное значение, приписываемое ею разуму: он делает нас людьми, от него зависят наша свобода, наша нравственность, ему мы обязаны всеми успехами нашего технического, научного, художественного творчества; лишь разум может обеспечить торжество справедливости в общественной жизни. Отчетливо выраженный рационализм присущ не только чуждым мистицизму ренессансным мыслителям, но и тем из них, в чьих доктринах мистика занимает большое и существенно важное место (Николай Кузанский, Себастьян Франк).

Названные особенности складывающегося тогда нового понимания человека, его природы, задач, стоящих перед ним, присущи гуманистической мысли на всем протяжении эпохи Возрождения, длившейся в общей сложности более двух с половиной столетий. У гуманистов второго этапа ренессансной эпохи трактовка человека существенно отличается от трактовки, характерной для первого ее этапа. Но в обоих случаях – это концепция, принципиально отличная от средневековых взглядов на человека, даже им противоположная.

---

[9] См.: *Соколов В.В.* Европейская философия XV–XVII веков. М., 1984. С. 26.

## НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ГУМАНИСТОВ XIV–XV вв.

Разумеется, перечисленные особенности ренессансной мысли выражены с большей или меньшей рельефностью у ее представителей на протяжении всей эпохи Возрождения, однако о скептических идеях этого сказать нельзя.

Рассматривая тенденции, доминирующие на различных стадиях развития философии данной эпохи, нельзя не согласиться с периодизацией, предложенной А.Х. Горфункелем, выделяющим периоды: антропоцентрический (середина XIV в. – середина XV в.), неоплатонический (середина XV в. – первая треть XVI в.) и натурфилософский (середина XVI – начало XVII в.). Следует, однако, заметить, что в некоторых важных моментах отмечается существенное сходство философии первого антропоцентрического периода и философии ренессансных неоплатоников второй половины XV в. В отношении указанных моментов (имеющих первостепенное значение для выяснения обстоятельств появления ренессансного скептицизма) существует ощутимое различие между философскими взглядами, господствующими в среде гуманистов в XIV–XV вв. и теми философскими воззрениями, которые доминируют в их среде в XVI в. и в начале XVII в. Крупнейшие представители ренессансного неоплатонизма, выступавшие во второй половине XV в. – Николай Кузанский (1401–1464), М. Фичино (1433–1499), Дж. Пико делла Мирандола (1463–1494), – так же решительно выступают против схоластической философии, как Фр. Петрарка (1304–1374), К. Салютати (1331–1406), Л. Бруни (1374–1444), Дж. Манетти (1396–1459). и др. гуманисты антропоцентрического периода. Общее, что объединяет всех этих мыслителей, несомненно, то, что все они шаг за шагом распространяют критику с одной области средневекового мировоззрения на другую. Таким образом, процесс дискредитации традиционной системы взглядов еще до начала XVI в. уже имел за собой полуторавековую историю.

И все же, какое бы важное место ни занимало в деятельности гуманистов рассматриваемого периода отрицание, разрушение укоренившихся в умах установок и мнений, их пафос – это пафос утверждения отстаиваемых ими новых принципов, ценностей, идеалов. Скептицизм чужд мировоззрению гуманистов XIV–XV вв. Они неутомимо разыскивают творения античных мыслителей, зачитываются и восхищаются ими. С жадным интересом изучают доктрины Платона и неоплатоников, Аристотеля и Сенеки, Эпикура и Лукреция. Единственная античная философская школа, к которой они интереса не проявляют, – скептики. Ни в одной из дошедших до нас античных источников нет такого полного, подробного, тщательно аргументированного изложения доктрины греческого пирронизма, какое дано в произведениях Секста Эмпирика – единственного представителя античного скепсиса, чьи труды сохранились. Эти труды в XIV–XV вв. были известны; первое упоминание о них встречается в трактате "Исследование суетности языческих учений", написанном Франческо Пико делла Мирандола (племянником

знаменитого Джованни Пико делла Мирандола) и опубликованном в 1520 г. Сами же сочинения Секста были впервые изданы в 1562 г. С тем, что сообщается о скептицизме в произведениях Цицерона, Августина, Диогена Лаэрция, ренессансные мыслители XIV–XV вв. были знакомы, но ни одного из них взгляды греческих пирроников не заинтересовали и даже не встретили сочувствия. Ренессансные мыслители лишь в XVI в. начинают выдвигать скептические идеи, получившие значительное распространение в его второй половине и в начале XVII в.

Следует, таким образом, различать два этапа развития ренессансной философии – так сказать, доскептический (от середины XIV в.–до конца XV в.) и скептический (с начала XVI–до начала XVII в.).

Гуманистическая мысль *первого периода* характеризуется следующими важнейшими чертами. Из отрицания пропасти, якобы отделяющей небесное от земного, Бога от мира, из убеждения, что творцы и его творение образуют гармоническое единство, гуманисты этого периода делают весьма радикальные выводы. Не только отвергается взгляд, изображающий посюсторонний мир в самых черных красках и всеми силами старающийся внушить отвращение к нему, но провозглашается, что это – "наипрекраснейший" мир, который так великолепен, что "не может быть лучше ни в действительности, ни в наших помыслах"[10], – как писал Дж. Манетти. При этом гуманисты первого "героического" этапа эпохи Возрождения как бы вовсе не замечают сколь бесконечно далека от совершенства жизнь современного им общества, сколь далеки их современники от того идеала человека, какой рисовали себе гуманисты. И для Николая Кузанского, и для Фичино, и для Пико делла Мирандола материальный мир есть не нечто низменное, жалкое, ничтожное, чуждое возвышенной природе Бога, а, напротив, – прекраснейшее, исполненное всевозможных совершенств творение, вполне соответствующее своему творцу, и потому божественное. Прекрасна, совершенна и природа, окружающая человека, и его собственная природа. На тезисе о благодетельности природного в человеке строится осуждение аскетизма и защита права человека на радости земной жизни. То, что праведному человеку уготовано блаженство на небе, нисколько не затрагивает с гуманистической точки зрения предназначенности человеческой природы к земным наслаждениям, которым люди не только могут, но и должны предаваться. В глазах гуманистов этого периода бесконечно прекрасна не только природа, но и общество, в котором живет человек, тоже прекрасно. По их мнению, если даже кое в чем человеческое общество еще не достигло полного совершенства, во всяком случае оно близко к такому совершенству, движется по направлению к нему и в скорости его достигнет. Меняла Бона Бони, заявляя при избрании его гонфалоньером Флоренции в 1641 г., что этот город "приобрел самую совершенную государственную форму"[11], лишь повторял мысль

[10] Цит. по: *Ревякина Н.В.* Учение о человеке итальянского гуманиста Джаноццо Манетти // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 263.

[11] Цит. по: *Брагина Л.М.* Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983. С. 74.

выдающихся гуманистов своего времени. Знаменательно, как отмечает Л.М. Баткин, что «еще в 1405 г. Леонардо Бруни в "Похвале городу Флоренции" писал о своей родине так, будто идеальный город давно существует»[12]. "Кватрочентистские гуманисты... в рассуждениях о рациональном общественном устройстве имели в виду реальную жизнь итальянских городов... и считали, например, Флоренцию или близкой к совершенству, или находящейся на пути к нему..."[13]. Наступает, считали они, "золотой век", когда моральные, социальные, интеллектуальные достижения древности будут не только возрождены, но и кое в чем превзойдены.

В средние века в сознание постоянно внедрялась мысль "О презрении к миру и ничтожестве человека", так озаглавлен был весьма популярный в средние века и представлявший собой концентрированное выражение этой мысли трактат папы Иннокентия III (XII в.), рассматривающий человека как существо во всех отношениях жалкое, чувства, желания, страсти, внешность, тело которого не только греховны, но и безобразны. Протест против такого крайнего принижения человека выступает у гуманистов рассматриваемого периода как такое *возвеличение человека*, при котором почти стирается грань между человеком и Богом. Человек, по словам Дж. Манетти не только является "прекраснейшим, благороднейшим, мудрейшим, наконец, могущественнейшим" существом, уступающим во всех указанных отношениях только Богу[14], он есть "небесное и божественное животное", "смертный бог"[15]. Все в мире принадлежит людям, не только на Земле, ее неживая природа, ее материки и океаны, ее земли и воды, и ее флора, и ее фауна, но и на небе: "нам принадлежат небеса, звезды, созвездия, планеты..."[16], поскольку все это существует "для пользы людей"[17]. Природа человека, утверждает Николай Кузанский, "такова, что, будучи возведена в соединение с максимальностью, становится полнотой всех всеобщих и отдельных совершенств таким образом, что в человечестве все возведено в высшую степень"[18]. Сходным образом изображает человека М. Фичино. "Мощь человека, – пишет он, – почти равна божественной природе"[19]; человек "есть как бы некий бог"[20], "он обладает гением, так сказать, почти таким же, как и сам создатель небес"[21]. Ссылаясь на то, что ученым уже удалось изготовить макеты, воспроизводящие движения небесных тел, Фичино пишет, что человек в силах создать небеса, если получит в руки небесную материю и соответствующие орудия. Всемогущим рисует

---

[12] *Баткин Л.М.* Ренессанс и утопия // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 224.
[13] Там же. С. 225.
[14] Цит. по: *Ревякина Н.В.* Указ. соч. С. 263.
[15] Там же. С. 268.
[16] Там же. С. 264.
[17] Там же.
[18] *Николай Кузанский.* Избранные философские сочинения. М., 1937. С. 119.
[19] *Ficino M.* Theologie Platonicienne de l'immortalite des ames. P., 1976. Vol. 2. P. 224.
[20] Цит. по: *Горфункель А.Х.* Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С. 89.
[21] Там же. С. 90.

человека и Пико делла Мирандола, воспевающий "высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет"[22], поскольку "не стесняемый никакими пределами" человек по своему усмотрению, "по собственному желанию" и решению определяет "свое место и лицо и обязанность"[23]. "Чудеса человеческого духа, – говорит Пико, – превосходят чудеса небес... На Земле нет ничего более великого, чем человек, а в человеке – ничего более великого, чем его ум (mens) и душа (anima). Возвыситься над ними, значит возвыситься над небесами..."[24].

Даже креационизм, отнюдь не отвергаемый гуманистами, приобретал в свете такой трактовки человека смысл, существенно отличный от того, какой вкладывало в него с момента своего возникновения христианство. Из рук Бога, утверждает Дж. Манетти, мир вышел весьма далеким от совершенства. Затем, указывая на уже созданные "достойные удивления и восхищения", исполненные "великолепия" произведения науки, техники, искусства, в том числе архитектуры, скульптуры, живописи, на примененные при сознании этих произведений орудия, изготовленные с "исключительным мастерством благодаря проницательности и остроте человеческого или скорее божественного ума", Манетти восклицает: "После первоначального и еще не законченного творения мира все, по-видимому, было изобретено, изготовлено и доведено до совершенства нами. Ведь наше, т.е. человеческое, раз сделано людьми, то, что вокруг: все дома, укрепления, города, наконец, все сооружения на Земле, которых так много и так они прекрасны, то из-за их великолепия следует считать их по праву скорее ангельскими творениями, чем людскими"[25]. Человек оказывается соавтором мира. Лишь созидательная деятельность людей довела, так сказать, "до кондиции" несовершенное изделие Бога.

С антропоцентризмом, притом рельефно выраженным, мы встретимся и у гуманистов XVI в., но лишь в XIV и XV вв. антропоцентризм носит тот весьма своеобразный характер, который описан выше.

Ренессансные мыслители XIV–XV вв. далеко еще не освободились от характерного для средневекового сознания убеждения в необходимости обратиться к глубокому прошлому, дабы постичь истину, так как именно тогда она была обнаружена и раз и навсегда установлена, и поэтому наша задача – отыскать ее в наследии, оставленном нам великими умами прошлого. "Творчество древних, – заявляет Дж. Боккаччо, – есть неизменное, прочное знание... повсеместно и во все времена оно остается одним и тем же и никаким движением никогда не может быть поколеблено"[26]. Восхищение интеллектуальным и нравственным величием древних мыслителей порой приобретает у этих гуманистов черты

---

[22] История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962. Т. 1. С. 508.

[23] Там же. С. 507–508.

[24] Цит. по: *Cassirer E.* The individual and the Cosmos in Renaissance Philosophie. N.J., 1963. P. 115.

[25] Цит. по: *Ревякина Н.В.* Указ. соч. С. 265.

[26] Цит. по: *Muller G.* Bildung und Erziehung im Humanismus der italienischen Renaissance. Wiesbaden, 1969. S. 393.

поклонения. Достаточно вспомнить рассказы современников о лампаде, которую Фичино возжигал перед бюстом Платона. Даже если это свидетельство – лишь легенда, оно, безусловно, все же передает настроение, царившее во флорентийской академии. Правда, понятие древности существенно по сравнению со средними веками переосмысливается, в древность включается наследие Древней Греции и Рима. Но сам принцип, обязывающий быть верными непреходящим истинам, завезенным нам нашими великими предками, сохраняется. Древние рисуются при этом самыми радужными красками: знания, доктрины, нравы первых христиан, философия, наука, искусство, общественная жизнь античности – все исполненно глубочайшей мудрости и благородством. Древность, считают гуманисты, дала непревзойденные образцы самой высокой нравственности и на деле претворила в жизнь подлинную свободу мысли. В древности, говорит Л. Бруни, "всякий, кто приступал к философии, имел перед глазами авторов, которым мог следовать, и научался не только защищать свои взгляды, но и опровергать чужие. Здесь были стоики, академики, перипатетики, эпикурейцы..."[27] и каждый был волен решить, в чем каждый из них прав и в чем они заблуждаются. Такой же идеальной рисуется древность Л. Валле: "У философов всегда была свобода говорить то, что они думают, противореча не только вождям чужих школ, но даже своей собственной школе"[28]. Ни античная, ни христианская древность, верили эти гуманисты, не знали нетерпимости, преследований за инакомыслие, наложивших свою зловещую печать на всю духовную жизнь феодального общества.

У этих гуманистов вызывает презрение схоласт, уверенный, что ответы на все вопросы, стоящие перед познанием, заключены только в текстах авторов, признаваемых авторитетами в школе, к которой он принадлежит, и бедный догматик даже не подозревает, какое поразительное богатство знаний и глубочайших идей содержат источники, невежественно трактуемые им как еретические. Ренессансная мысль рассматриваемого периода выдвигает положение, что высшую вневременную мудрость, абсолютную истину содержат в той или иной мере любые верования и все философские учения. Ни одно из них не выражает этой истины полностью, ни одно ее не исчерпывает; каждое выражает высшую мудрость лишь частично, односторонне, так что на одном нельзя остановить свой выбор, отвергнув остальные. Но и отвергнуть ни одно из них нельзя. Лишь очень ограниченный ум, указывал Дж. Пико делла Мирандола, ухватился за одну доктрину, всецело доверится одной школе, одной точке зрения, не замечая ее ограниченности и неполноты. Ведь в действительности все философские доктрины и религиозные верования друг в друге нуждаются, друг друга дополняют. Знаменитые 900 тезисов Пико, где наряду с идеями платоновской, неоплатонической, перипатетической философии фигурируют идеи раннехристианских и средневековых христианских мыслителей, арабских, еврейских философов и Каббалы, – служат ярким примером

[27] Цит. по: *Горфункель А.Х.* Указ. соч. С. 34.
[28] Там же. С. 36.

стремления гуманистической мысли сочетать, амальгамировать, включить в себя самые различные религиозные и философские учения.

С этим чрезвычайным сближением всех философских доктрин и всех религиозных верований связано представление гуманистов XIV–XV вв., согласно которому и "всеобщая мудрость" и "всеобщая религия" суть достояние всего человечества: те или иные формы этой мудрости и этой религии присущи от рождения всем без исключения людям. Выдвижение на первый план определенных нравственных принципов в религии, сближение "всеобщей мудрости" и "всеобщей религии", граничащее с их отождествлением, приводят этих ренессансных мыслителей к убеждению, что подлинно нравственным может быть и человек, не знающий христианского вероучения, но обязательно религиозный: мысли и поступки его обязательно основаны на принципах всеобщей религии и всеобщей мудрости. "...Христианство, – заявлял гуманист Э.С. Пикколомини, – есть не что иное, как новое, более полное изложение учения древних о высшем благе"[29]. Здесь Пикколомини излагает мнение, всецело разделявшееся его другом Николаем Кузанским.

Рассматривая все религии как обладающие неким общим содержанием, так что каждая из них в той или иной мере приближается к истине (хотя ни одна полностью, исчерпывающим образом ее не постигает) Кузанец считал вполне возможным достижение "всеобщего согласия" между вероисповеданиями и, как видный церковный деятель, предпринимал практические шаги, направленные на достижение такого согласия.

Место средневекового представления, согласно которому мир за свои грехи идет к гибели, к Страшному суду, занимает мысль, что мир выродился не из-за своих грехов, а потому, что впал в невежество, забросил образованность, нравственность, мудрость древних. Следствием этого явилось тысячелетие варварства, отделяющее нас от "золотого века" древних. Теперь культура человечества возвращается к своим античным и раннехристианским истокам. Ближайшим шагом в нравственном и интеллектуальном развитии человечества, верят гуманисты, станет осознание людьми необходимости не противопоставлять различные религиозные и философские воззрения, а сочетать, и также синтезировать элементы "всеобщей мудрости", содержащиеся во всех религиях и всех направлениях философской мысли. Это время, когда расцветут науки и искусства и одновременно человек предстанет исключительно высокоморальной личностью, когда прекратится вражда между различными вероисповеданиями; философскими школами и вообще вражда между людьми. Наступит "золотой век", почти такой же, каким наслаждались древние. Представление о том, что в истории человечества имеет место поступательное движение, прогресс, чуждо, как правило, ренессансной мысли XIV–XV вв. так же, как и средневековой: все рано или поздно "возвращается на круги своя", века варварства не выше и не ниже друг друга, "золотые века" – тоже.

---

[29] Цит. по: *Cassirer E.* Op. cit. P. 59.

Мыслители, разрабатывавшие ренессансные философские концепции в XIV–XV вв., никак не были связаны ни с монашескими орденами, ни с контролируемыми церковью университетами. Эти гуманисты подвергали острой критике не только идейное содержание средневековой философии, не только невежество ее носителей – схоластов, но и институциональные формы, в которых развивалась схоластическая, "школьная философия" К философам в средние века причислялись только профессионалы, т.е. люди, которым в университетах, согласно традиционному ритуалу, были присвоены определенные ученые звания и которые принадлежали к тем или иным монашеским орденам. О том презрении, с которым гуманисты относились к процедуре формирования схоластического философа, красноречиво говорит следующая исполненная беспощадной иронии тирада Петрарки: "Наше время счастливее древности, так как теперь насчитывают не одного, не двух, не семь мудрецов, но в каждом городе их, как скотов, целые стада. И не удивительно, что их так много, потому что их делают так легко. В храм доктора приходит глупый юноша, чтобы получить знаки мудрости; его учителя по любви или по заблуждению прославляют его; сам он чванится, толпа безмолвствует, друзья и знакомые аплодируют. Затем, по приказанию, он всходит на кафедру, и, смотря на всех с высоты, бормочет что-то непонятное. Тогда старшие на перерыв превозносят его похвалами, как будто он сказал что-то божественное... По совершении этого с кафедры сходит мудрецом тот, кто взошел на нее дураком..."[30]. Схоластов, "дерзающих, – по словам Л. Бруни, – учить тому, чего сами не знают"[31], он тоже считает достойными лишь насмешки. Так же относятся к представителям "школьной философии" и другие гуманисты.

Они отвергают не только те решения, какие схоластика дает ряду вопросов, но и сам круг вопросов, рассмотрением которых она занимается. Тем, что занимает столь большое и важное место в схоластике – вопросами богословскими, отысканием философского обоснования положений теологии, – философия вовсе заниматься не должна, это не ее дело, утверждают гуманисты, и сами этой проблематикой не занимаются. "На что следует надеяться в божественных делах, – этот вопрос предоставим ангелам, из которых наивысшие пали под его тяжестью. Конечно, небожители должны обсуждать небесное, мы же – человеческое", – писал Фр. Петрарка[32].

До середины XV в. ренессансная философская мысль не только совершенно отказывается рассматривать какие бы то ни было теологические проблемы, но весьма мало внимания уделяет вопросам онтологии, занимаясь почти исключительно этическими, политическими и эстетическими проблемами. Этим проблемам уделяет очень много внимания и проникнутый своеобразно переосмысленными неоплатоническими

---

[30] Цит. по: *Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. В 4 т. СПб., 1914. Т. 2. С. 19.

[31] Цит. по: *Birkenmajer A.* Etudes d'histoire de sciences et de la philosophie du moyen-age. Wroctaw, 1970. P. 56.

[32] Цит. по: *Горфункель А.Х.* Указ. соч. С. 27.

идеями гуманизм второй половины XV в., хотя в философии этого гуманизма, в отличие от его непосредственных предшественников, онтологической проблематике придается большое значение. Но подавляющее большинство гуманистов и первого и второго периода, проделывая поистине титаническую работу по разыскиванию, филологическому анализу и переводу текстов древних авторов, вдумчиво исследуя содержащиеся в них философские, этические, эстетические идеи, совершенно игнорировали излагавшиеся в этих текстах достижения математики и естествознания. Разумеется, своими переводами античных научных текстов гуманисты объективно способствовали развитию западноевропейской науки, но сами они, как справедливо отмечает В.В. Соколов, "не видели почти никакой практической пользы в естественных науках"[33] и, кроме Л.Б. Альберти и Николая Кузанского, почти никто из них ни математикой: ни естествознанием не интересовался.

Будучи по характеру своих интересов и научных занятий гуманитариями, большинство гуманистов рассматриваемого периода отрицательно относилось к попыткам строить философию, опираясь на естественные науки. Выступая на коллоквиуме, посвященном естествознанию эпохи Возрождения, происходившем в Туре в 1965 г., А. Бук указывал, что, руководствуясь в своих филологических изысканиях рациональными критериями, свободными от всяких предубеждений, гуманисты независимо от того, что сами они об этом думали, способствовали выработке подлинно научного метода исследования природы, метода, к которому естественные науки приходят в XV–XVI вв., именно у гуманистов этих "следует искать начатки современной научной мысли"[34]. Но тот же Бук, назвав свой доклад "Гуманистическая полемика против естествознания", показывает, как, считая, что между гуманитарными науками и науками, исследующими физический мир, нет ничего общего, большинство гуманистов выступает против естествознания своего времени[35]. Выдающийся знаток культуры Возрождения прогрессивный итальянский ученый Э. Гарен показывает, как Данте и Петрарка свое мировоззрение, сосредотачивающее внимание на мире человека и человеческой истории, противопоставляют концепциям оксфордских логиков и физиков Сорбонны, в которых эти гуманисты усматривали схоластический дегуманизирующий сциентизм[36]. Но отрицательно относились к современным им математике и естествознанию не только первые гуманисты, но и большинство тех, которые выступали значительно позднее вплоть до начала XVI в., на что указывает в своей работе А.Г. Дебас[37].

Поэтому А.Х. Горфункель несомненно прав, когда пишет, что "необходимая для движения вперед" гуманистическая критика всего, что

---

[33] *Соколов В.В.* Указ. соч. С. 27.

[34] Science de la Renaissance. P., 1973. P. 41. (Сб. материалов коллоквиума в Туре, 1965 г.).

[35] Ibid.

[36] См.: *Garin E.* Rinascite e revoluzioni: Movimente culturali del XIV–XVIII secolo. Roma; Bari; Latezza, 1975.

[37] См.: *Debas A.G.* Man and nature in the Renaissance. Cambridge: Univ. press, 1978.

делали представители схоластики, была "иногда даже и несправедливой"[38], что "недооценка действительных заслуг средневековой философии вообще характерна для мыслителей эпохи Возрождения... Несомненные достижения схоластики... предстают в гуманистической полемике выхолощенными, лишенными смысла, а потому и дискуссии представляются пустыми прениями о словах"[39]. Выступления большинства ренессансных мыслителей XIV–XV вв. против схоластики представляли собой огульное осуждение почти всего, что делалось в университетах в то время, хотя далеко не все происходившее тогда в интеллектуальной жизни университетов, заслуживало осуждения.

Отвергая все идеи, так или иначе связанные со "школьной философией", эти ренессансные мыслители вместо отвергаемых идей выдвигают свои собственные, совершенно иные идеи. Всю свою энергию и страстность они обращают на утверждение и отстаивание своей новой системы взглядов. Своеобразие этой их позитивной программы заключалось в том, что она не оставляла места скептицизму. Не для всех мыслителей "героического" периода Возрождения характерно описанное выше глухое ко всему негативному, при этом гомерическое преувеличение всего позитивного в окружающей действительности и, наконец, достигающее фантастических масштабов возвеличение человека, чьей деятельности, познанию, роли в мире приписывались поистине грандиозные размеры[40]. Но для крупнейших философов этой поры, для философии кватроченто в целом, т.е. XV в., эпохи раннего Возрождения названные иллюзии характерны. Эйфория, восторженная, гипертрофированная идеализация мира и человека, идеализация прошлого, настоящего и будущего свойственны почти всем гуманистам. Эта черта философской мысли первого этапа Ренессанса, как и другие ее черты, коренилась в исторических условиях, в которых тогда развивалась философия.

Почва, на которой вырастает ренессансная культура, в том числе философия – расцвет торгово-промышленных городов: "...Первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях"[41]. Это относится прежде всего к ряду городов северной и средней Италии. Освободившись еще в XI в. от власти феодальных сеньоров, сумев и позднее сохранить свою самостоятельность, эти города в XIV в. быстро богатеют благодаря и той важной роли, которую они играют в торговле между различными странами, и доходам, приносимым банковским делом, получившим в них большое развитие, а также и развитию раннекапиталистического производства – мануфактуры. Жизнь в этих городах, общественные отношения, складывающиеся в них, существенно отличаются от порядков, от жизни, характерной для городов при

---

[38] *Горфункель А.Х.* Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977. С. 18.

[39] *Горфункель А.Х.* Философия эпохи Возрождения. С. 126.

[40] Так, крупнейший представитель культуры Ренессанса, Леонардо да Винчи, этих иллюзий не разделял. Его мировоззрению и творчеству присущи черты, характерные для XVI в. и отличающие этот век от кватроченто, черты, о которых речь пойдет ниже.

[41] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 728.

феодализме. В феодальном обществе и содержание и формы деятельности личности, ее права, ее обязанности, ее возможности, все ее поведение определяется и жестко регламентируются местом, занимаемым ею с самого ее рождения в иерархической структуре общества. А в этом обществе, проникнутом консерватизмом, царят власть традиции, недоверие, даже враждебное отношение к самостоятельности, инициативе, ко всякому новаторству. В торгово-промышленных городах, завоевавших в длительной, тяжелой борьбе независимость и самоуправление, положение личности существенно изменяется. Для кипучей жизни этих городов характерно бурное развитие *деятельности* – предпринимательской, технической, изобретательской, художественной, научной, общественной, что придает предприимчивости, инициативе, самостоятельности большую ценность в глазах общества.

Возрастают не только богатство, даже роскошь торгово-промышленной и банкирской верхушки (предбуржуазии) и ее влияние на различные стороны общественной жизни, но и ее образованность, ее духовные запросы. Своеобразие общественных отношений в этих городах, всей их жизни и прежде всего деятельность, интересы, быт городской торгово-промышленной и банковской верхушки – вот что нашло свое выражение в культуре Возрождения, в том числе в его гносеологии. Невиданные дотоле богатство и роскошь, бурный подъем науки, техники, искусства, достижения которых поражают своим величием, создают у самостоятельных образованных горожан впечатление, что возможностям человеческого творчества и человеческого познания, по-видимому, вообще нет пределов. Так возникает у городской культурной элиты гипертрофированно оптимистическое мироощущение. Процветание городов, ставших крупными центрами международной торговли, и прежде всего – процветание состоятельных торгово-промышленных элементов в этих городах, вдохновляет гуманистов, когда они восторгаются миром, в котором живут, заявляя, что лучшего и вообразить невозможно, когда так высоко оценивают силы и возможности человека, его деятельность и его достижения. Не случайно гуманисты не только всячески восхваляют торговую деятельность, но некоторые из них даже поют дифирамбы стяжательству. Не случаен и тот факт, что эти гуманисты не только не одобряли, но решительно осуждали направленные против существующего строя и освящавшей его церкви движения и выступления народных масс (например, восстание чомпи во Флоренции). Были ли отдельные гуманисты выходцами из среды богатого влиятельного купечества (как Дж. Манетти и Л.Б. Альберти), или столь же богатой аристократии (как Пико, граф Мирандола и сеньор Конкордии), или из семей, не располагавших таким большим богатством (как Николай Кузанский – сын зажиточного крестьянина-рыбопромышленника) – все они оставались весьма далекими от народных низов. Элитаризм их мировоззрения тесно связан с его социальной основой.

С социальной основой ренессансной мысли связано и нежелание гуманистов, обличавших безнравственность монахов и многих представителей клира, призывавших возвратиться к принципам морали древних мудрецов античности и раннего христианства, выступать против сущест-

вующих социально-политических порядков, против концентрированного их выражения – католической церкви. Поэтому в течение длительного времени руководящие деятели римской церкви не осознавали всей серьезности той опасности, которую деятельность гуманистов представляла для образа мыслей и образа жизни, на страже которого стояла церковь, не отдавали себе отчета в антиклерикальной и антифеодальной сущности гуманизма. "Церковные власти смотрели на него даже благожелательно и поощряли его, ибо считали, что возврат к греко-римской культуре укрепит стену, отделяющую образованную элиту от знающего только разговорный язык народа, который становился непокорным"[42].

Такое отношение католического клира к гуманизму в значительной мере сохранялось вплоть до начала XVI в. В связи с этим весьма показателен факт, сообщаемый Эразмом Роттердамским. Когда он в 1508 г. посетил Рим, друзья его, итальянские гуманисты, рекомендовали ему не упустить случая услышать подлинно "римскую речь, льющуюся из истинно римских уст" – послушать проповедь о крестной жертве Христа в одной из римских церквей. Проповедь была произнесена в храме, переполненном народом, в присутствии восседавшего на видном месте папы Юлия II. Если не считать сделанного вначале беглого упоминания о Христе и его жертве, вся двухчасовая проповедь представляла собой рассуждение стремящегося блеснуть латинским красноречием священника о всевозможных событиях и деятелях истории древнего Рима. Для отношения церкви к гуманизму в XV в. показательно и то, что в середине этого столетия (в 1448 г.) Николай Кузанский становится кардиналом, а его близкий друг Э.С. Пикколомини становится (в 1458 г.) под именем Пия II папой и занимает папский престол до 1464 г. Князья церкви в это время еще не понимали, что какими бы благочестивыми заверениями ни сопровождали гуманисты свои речи и диалоги, "никакие церковные облачения (вплоть до кардинальской мантии Николая Кузанского и папской тиары Пия II) не могли изменить враждебную средневековому католицизму направленность их нравственной философии"[43] и всей вообще философии.

Длившийся довольно долго "мир" между католической церковью и гуманистами – вот что питало представляющиеся на первый взгляд такими странными их мечты о способности церкви и общества XIV–XV вв. постепенно (но за сравнительно не такое уж продолжительное время) стать такими, какими их хотели бы видеть ренессансные мыслители кватроченто.

## "ВЫСОКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ"

### ПОРА ОТРЕЗВЛЕНИЯ

Общественная жизнь и на первом этапе развития ренессансной мысли не была идиллической. Достаточно вспомнить о восстаниях во Флоренции (1343, 1378, 1394 гг.), в Сиене и Перудже (1371 г.), о гусситских вой-

---

[42] *Laberenne P.* Les joyeusetes de Galilée // La pensée. 1964. N 116. P. 36.

[43] *Горфункель А.Х.* Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. С. 80.

нах (1419–1434 гг.), о ряде массовых народных выступлений в Германии (в 1341, 1476, 1491–1492 гг.). Но ни одно из этих социально-политических потрясений не достигло таких масштабов, чтобы создать реальную серьезную угрозу основам общественных отношений, господствовавших в Западной Европе. Конечно, не эти потрясения нашли свое выражение в описанных выше особенностях ренессансной философии в рассматриваемое время. Своими особенностями она была обязана специфическим условиям, сложившимся в городах, которые стали тогда крупными торгово-промышленными центрами.

Если в XIV–XV вв. ни одно из антифеодальных выступлений не смогло поколебать основ феодализма, то уже в конце первой четверти XVI в. эти основы были поколеблены теми ударами, которые им нанесло всенародное крестьянское восстание в Германии. Разумеется, это восстание потерпело поражение и феодализму в этой стране удалось сохранить и даже кое-где укрепить свои позиции, но значение глубокого потрясения, каким явилась связанная с этими революционными событиями Реформация, для антифеодальной борьбы во всей Западной Европе было исключительно велико. Удар, нанесенный Реформацией по средневековой идеологии, был сокрушителен.

Вслед за разгромом крестьянской революции в Германии происходит широкое распространение протестантизма в странах Европы. Это новое вероучение дает знать о себе во всех крупнейших социально-политических событиях XVI–XVII вв. В гугенотских войнах во Франции, в нидерландской буржуазной революции и национально-освободительной борьбе, в революции в Англии мы встречаемся с ожесточенными схватками между протестантами и католиками. Подвергаясь в ряде стран атакам со стороны последователей нового вероисповедания, святая апостольская церковь яростно набрасывается не только на впавших в ересь протестантизма, но и на гуманистов, подготовивших своими идеями эту ересь. Для вождей католицизма теперь уже очевидно что гуманисты – такие же смертельные враги защищаемой католической церковью системы взглядов, как и протестанты. Резко изменяется отношение этой церкви ко всему, в чем можно усмотреть хоть тень свободы мысли. Одна за другой издаются папские буллы против еретиков и еретических книг. Тридентский собор (1545–1547, 1551–1552, 1562–1563, 1547–1549 гг.) постановляет ввести "Индекс запрещенных книг" (Index librorum prohibitorum), за одно чтение которых полагается жестокая расправа. В "Индекс" включаются произведения Фр. Петрарки, Дж. Бокаччо, Л. Валлы, Н. Макиавелли, Дж. Кардано, Фр. Рабле, Эразма Роттердамского и др. крупнейших гуманистов. Созданный в 1540 г. орден иезуитов и реорганизованная в 1542 г. инквизиция свирепствуют повсюду, куда могут дотянуться их руки. Гуманистов, которых удавалось "захватить с поличным" предают мучительной смерти. Католическая инквизиция отправляет на костер Э. Доле (в 1546 г.), Ж. Валле (в 1574 г.), Дж. Бруно (в 1600 г.), Л. Ванини (в 1619 г.) и других гуманистов. Наступает Контрреформация.

В середине XVI в., основав орден иезуитов, Игнатий Лойола написал "Правила, необходимые для согласия с Церковью", в которых гово-

рится: "...Мы, *отложив всякое собственное суждение*, должны быть готовы ко всякому послушанию во всем истинной Невесте Господа нашего Иисуса Христа, нашей святой матери Иерархической Церкви"[44]; "...мы должны верить, что то, что мы видим белым, есть черное, если таким его называет Иерархическая Церковь". Необходимо все ею предписанное выполнять беспрекословно и быстро, "отрекаясь со слепым послушанием от всякого собственного мнения и противоположного суждения"[45]. Эти принципы иезуитов становятся знаменем воинствующего католицизма: решения Тридентского собора обязывают каждого католика – если того потребует Церковь или любой ее представитель – признать несомненной истиной любую нелепость. Как справедливо заметил о решениях собора один историк христианства, в свете этих решений "всех великих докторов средних веков, начиная со святого Фомы, следует считать мятежниками и еретиками"[46]. Образцом освящения явной бессмыслицы может служить решение собора объявить подлинным текст Вульгаты. В эту эпоху, когда декрет инквизиции объявил еретиками всех, разделяющих учение Коперника, а Лютер, подчеркивая греховность и зловредность разума, называет его "продажной девкой", в эту эпоху кульминации фанатического догматизма и иррационализма и в стане Реформации, и в стане Контрреформации конфликт между разумом и верой приобретает такую остроту, какой не имел никогда прежде. В Риме и в Париже, в Лондоне и в Женеве пылают костры: людей заживо сжигают за их верования или за их научные взгляды. В пламени этих костров сгорают наивные мечты о примирении строго обоснованного знания со слепой, иррациональной верой.

"Исправленная", реформированная церковь оказывается такой же нетерпимой и беспощадной к тем, кто не разделяет ее взглядов, как и старая, неисправленная. Во Франции, в Германии, в Нидерландах, в Англии, в Швейцарии множество людей подвергается жестокой казни, в том числе и сожжению на медленном огне, по приговору протестантских пасторов. Сожжение М. Сервета в 1553 г. в Женеве (наиболее широко известное) – лишь одна из множества не менее бесчеловечных расправ, учиненных кальвинистами и лютеранами над теми, кто дерзал думать иначе чем они.

Углубив разрыв с традиционными средневековыми представлениями, осуществленный гуманизмом XIV–XV вв. и способствуя дальнейшему развитию достигнутых до того завоеваний ренессансной мысли, эти драматические события вместе с тем хоронили иллюзии гуманистов кватроченто. Для передовых умов Западной Европы становилось очевидным, что несостоятельно не только средневековое мировоззрение, но и некоторые идеи ренессансных мыслителей XIV–XV вв., подвергших это мировоззрение критике, идеи, провозглашенные с таким

---

[44] Цит. по: *Тонди А.* Иезуиты. М., 1955. С. 137. Эти "Правила" действуют в учебных заведениях, руководимых иезуитами, по сей день.

[45] Там же. С. 146.

[46] *Guignebert Ch.* Le christianisme medieval et moderne. P., 1922. P. 226.

энтузиазмом и еще недавно представлявшиеся единственно разумными.

В средние века между позицией представителей того или иного социального слоя, принимавших участие в политическом конфликте, и верованиями, которые они отстаивали, имело место определенное соответствие. Выступившие против существующих социально-политических порядков противопоставляли официально признанным теологическим доктринам еретические. Те же, кто стоял на страже этих порядков, отстаивали чистоту учения Римской церкви. Иначе дело обстояло в XVI–XVII вв. Немецкие крестьяне и плебейские городские элементы, восставшие против существующего строя, следовали вероучению реформированной церкви. Значительная часть их угнетателей, защищавших этот строй и потопивших в крови восстание, следовала этой же религии. В Англии тоже протестантизм был знаменем борьбы народных масс и идейным оправданием направленной против них политики господствующих классов.

Если в Германии и Англии враждебные друг другу общественные силы обосновывали свои диаметрально противоположные требования и действия протестантским вероучением, то во Франции и католицизм, и протестантизм использовала в своих интересах одна общественная сила – феодальная знать. Абсолютистскому государству, возникшему сравнительно недавно и ослабленному неудачными войнами (длившимися с перерывами с 1494 до 1559 г.) было не под силу справиться с тяжелым положением, в котором страна оказалась вследствие революции цен к середине XVI в. Этим не замедлила воспользоваться верхушка феодальной аристократии, считавшая, что наступил благоприятный момент для нанесения удара по королевской власти для восстановления своих вольностей, своей феодальной власти в провинциях. Выступления французских кальвинистов первоначально носили на себе черты антифеодальной борьбы. Но очень скоро положение коренным образом изменилось. Во главе протестантов так же, как и во главе католиков, стали наиболее влиятельные представители феодальной знати. Одни из них стали протестантами, надеясь обогатиться за счет церковных владений и под предлогом борьбы с католицизмом нанести удар королевской власти, вернуть страну к феодальной раздробленности. Другие крупные аристократы пытались достичь той же цели – ослабления королевской власти и восстановления своей независимости – отстаивая католицизм, обвиняя двор в потворстве еретикам, сваливая на него вину за тяжелое положение страны. Обе партии не останавливались перед низким вероломством, совершали чудовищные зверства, массовые убийства и грабежи. Достаточно напомнить, что только в Варфоломеевскую ночь (24 августа 1572 г.) в стране было убито около сто тысяч человек.

Утверждениям католиков и протестантов, что их убеждения коренным образом отличаются друг от друга, писали гуманисты этой эпохи (Кастеллион, Монтень, Бейль), трудно поверить, так как поступки единомышленников не могли бы быть более сходны. Многочисленные факты, наблюдаемые ими, побуждают многих гуманистов заключить: поведение людей, их интересы вовсе не определяются их верованиями; ча-

ще происходит обратное – люди избирают религию в зависимости от своих корыстных интересов, религия для них – средство для достижения целей, ничего общего с религией не имеющих.

Особенно сильные сомнения в истинности того, чему учили и ортодоксы и реформаторы, вызывала бесчеловечная жестокость расправ, чинимых их последователями над инаковерующими, грабежи, насилия, убийства, при которых даже детям не было пощады, расправ, теоретически обосновываемых вождями протестантов так же, как и вождями католиков, доказывавшими, что не только в отношении самих еретиков, но и в отношении их семей любые низости и зверства являются делом богоугодным. А католические патеры и кальвинистские проповедники освящали этот разбой авторитетом священных догматов и Писания. Когда сознание миллионов людей было отравлено слепой ненавистью к "врагам истинной веры" и злорадством по поводу причиняемых им страданий, у гуманистов, не поддавшихся этому массовому психозу, такая вакханалия нетерпимости и фанатизма вызывала глубокое возмущение и страстный протест. Отсюда то большое место, которое занимает в произведениях крупнейших гуманистов рассматриваемого периода борьба против преследователей за инакомыслие.

На мировоззрении ренессансных мыслителей второго этапа эпохи Возрождения, в том числе и на их отношении к взглядам гуманистов предшествующих столетий, существенно сказались не только происходившие тогда социально-политические события. Вслед за проникновением европейцев в Америку (открытую в самом конце XV в.) следуют одно за другим путешествия, открывающие ряд ранее вовсе неведомых стран, в том числе первое в истории кругосветное путешествие, совершенное в 1519–1522 гг. Магелланом, практически доказавшее шарообразность Земли и впервые установившее, что большую часть поверхности Земли занимает мировой океан. В то же время совершаются великие открытия, связанные с именами Н. Коперника, Г. Галилея, И. Кеплера. XVI век – век начала научной революции.

Настоящий шквал новой информации, который обрушили на сознание европейцев эти открытия, так же, как и глубокие социально-политические потрясения новой эпохи, эпохи крушения иллюзий, безжалостно разрушили некоторые важные элементы мировоззрения гуманистов "героического" периода Ренессанса. Правда, все происходившее в новую эпоху всецело подтверждало справедливость провозглашенного на первом этапе Возрождения тезиса, что дела небесные, божественные – занятие, подходящее для небожителей, что людям надлежит заниматься делами земными, прежде всего – делами человеческими. В центре внимания всех крупнейших представителей ренессансной культуры XVI–XVII вв. – человек, его чувства и мысли, нужды и устремления его духа и его тела, общественная и личная жизнь человека. Эта идейная направленность гуманизма новой эпохи представляет собой дальнейшее развитие мировоззрения гуманизма предшествующих столетий. Но антропоцентризм нового гуманизма очень отличается от антропоцентризма XIV–XV вв. Гуманизм XIV–XV вв. возводил в неслыханно гигантскую степень тезис о "человеке – венце творения". Фило-

софы-гуманисты новой эпохи осыпают насмешками выдвинутые их предшественниками положения о том, что тело человека всех прекраснее, что он мудрее всех прочих существ, что все в природе – на Земле и на небе – существует ради человека. Для новых ренессансных мыслителей человек – не центр, а частица природы – общей матери людей, животных, растений, минералов. И телесная организация человека, и его психика качественно не отличаются от организации и психики животных, его братьев. Как и все прочие части природы, человек всецело подчинен ее всеобщим и непреложным законам. Если гуманизм XIV–XV вв. приписывал человеку ничем не ограниченную власть и над всем его окружающим, и над сами собой, то новый гуманизм оценивает возможности человека несравненно более трезво. Он тоже подчеркивает свободу воли человека и настаивает на его праве решать все возникающие перед ним вопросы, руководствуясь только теми принципами, какие ему диктуют его собственный ум и его собственная совесть, так что никто не вправе извне навязывать ему принципы его поведения. Это – антропоцентризм и индивидуализм, но и то и другое (в отличие от позиции гуманизма "героического" периода) требует учета зависимости возможностей человека, осуществимости его стремлений и решений от объективных условий и закономерностей, от природы самого человека, от окружающей природы, от общества. Верить, что человек может распоряжаться всем окружающим его миром по своему усмотрению, что его деятельность не ограничена никакими пределами, считают гуманисты XVI–XVII вв., значит принимать желаемое за действительное.

Не менее острой критике подвергает ренессансная мысль новой эпохи представления предшествующих веков о безграничной мудрости человека, представления, абсолютизирующие результаты человеческого познания. Великие научные открытия XVI и начала XVII в. вызывали, конечно, у гуманистов-современников восхищение тем, какие огромные и по своей глубине, и по своему объему знания может добывать человек. Но эти же открытия доказывали, что все сведения о действительности, и которыми располагала схоластика, и какими располагали величайшие умы древности, а также гуманисты XIV–XV вв. – это знания, не только бесконечно далекие от полноты, но и заключающие в себе множество заблуждений. Естественно было заключить, что судьба, постигшая научные достижения прошлых поколений, постигнет и современные научные достижения. Исследователи, которые примут эстафету научных изысканий из рук современных ученых, обнаружат, как много ошибок содержат наши знания. И так будет повторяться из века в век. Начавшаяся с XVI в. эпоха научной революции рождала убеждение в относительности наших знаний, убеждение в том, что ни об одном положении науки никогда нельзя будет сказать, что оно совершенно точно, совершенно верно, совершенно полно. Гуманисты этой эпохи упрекали гуманистов предшествующих столетий в том, что и здесь они идеализировали человека, приписывая ему знания, абсолютно точные, абсолютно полные, безошибочные.

Трудно представить себе что-либо более далекое от "золотого века" всеобщего благоденствия, о наступлении которого говорили гума-

нисты "героического" периода, чем происходящее в Западной Европе в XVI в. "Не было века гнуснее, чем наш" – писал в 1534 г. П.А. Мандзолли[47]. Почти в тех же выражениях характеризуют свое время М. Монтень, Ф. Санчез и др. представители передовой мысли века. Они, естественно, подвергают критике по этому вопросу своих предшественников. Утверждать, пишут они, будто мир, где в массовом масштабе творятся ужасные злодеяния, где на каждом шагу зло торжествует, а честности и добродетели уготована самая печальная участь, где скопилось так много несправедливостей, что сотни тысяч людей поднялись на смертный бой против них, – утверждать, будто этот жестокий мир прекрасен, что лучшего и вообразить нельзя, можно, только совершенно закрыв глаза на реальное положение вещей. Идеализацию действительности гуманистическая мысль новой эпохи отвергает так же решительно, как и идеализацию человека.

Таким образом, огромного значения события, произошедшие в XVI в., заставили коренным образом переоценить не только принципы и взгляды, господствовавшие в средние века, но и многое в том мировоззрении, которое было создано гуманистами в "героический" период в процессе критики средневекового образа мышления. Глубокая переоценка ценностей, происходившая при этом, должна была привести и привела к возникновению и распространению скептических идей, к выступлению крупнейших представителей скептицизма нового времени.

## КАКОЙ ПЕРИОД ЭТОЙ ЭПОХИ ЗАСЛУЖИВАЕТ БЫТЬ НАЗВАННЫМ "ВЫСОКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ"

Существенные различия между первым и вторым этапами культуры Возрождения интерпретируются некоторыми исследователями в том смысле, что высшей точки своего развития эта культура достигла в XV в., а XVI век – век "заката Возрождения"[48], что для XVI в. характерен "Поздний Ренессанс, или Начало разложения Ренессанса"[49]. Ставшее общепринятым применение термина "высокое Возрождение" к культуре XV в. делает представление об упадке ренессансной культуры в период, последовавший за XV в., чем-то как бы само собой разумеющимся. Такую интерпретацию согласовать с фактами невозможно.

Жестокая действительность новой эпохи приносит с собой *отрезвление*; она рождает трезвый, реалистический взгляд на мир, на природу, на общество, на человека, его психологию, его личную и общественную жизнь. Выработке такого реалистического миропонимания и преодолению иллюзий "героического" периода существенно способствовали географические и научные открытия, оказавшие огромное воздействие на сознание гуманистов XVI в.

---

[47] Цит. по: *Горфункель А.Х.* Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. С. 40.

[48] *Баткин Л.М.* Указ. соч. С. 228.

[49] Так озаглавлен раздел, посвященный культуре XVI в. в книге: *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения.

Этот век – век расцвета ренессансной натурфилософии, впитавшей в себя диалектические идеи Николая Кузанского и представлявшей собой большой шаг вперед в развитии онтологии эпохи Возрождения. Характерный для этого века своеобразный, главным образом антифидеистический скептицизм, в котором сочетались рационализм, эмпиризм и гносеологический оптимизм, представляется выдающимся завоеванием ренессансной теоретико-познавательной мысли. В обоих случаях перед нами не упадок философии Возрождения, а самые высокие ее достижения, высшая точка ее развития. Говоря о том, что XVI век, чинквеченто, приносит с собой невиданный дотоле расцвет искусства, крупнейший советский специалист по Возрождению В.И. Рутенбург пишет, что "на это столетие приходится его высший и последний этап"[50]. Трезвый, реалистический взгляд на человека и окружающую его действительность – характерная особенность не только философии, но и искусства, и всей культуры второго этапа Возрождения. Этот взгляд нашел выражение в философском творчестве Н. Макиавелли, Дж. Бруно, Т. Кампанеллы, Т. Мора, Эразма Роттердамского, М. Монтеня и др. крупнейших мыслителей века. И столь же ярко он проявился в художественном творчестве Микеланджело (из 70 лет, в течение которых он творил, 64 падают на XVI в.), А. Дюрера (из 38 лет его творчества 28 падают на XVI в.), Рафаэля, Тициана, Рабле, Сервантеса, Шекспира, в научном творчестве Н. Коперника, И. Кеплера (целиком принадлежащих XVI в.) и Г. Галилея, творившего в XVI и начале XVII в. Глубокие прозрения и открытия, содержащиеся в их наследии, связаны с их трезвым реализмом, вскрывающим всю сложность жизни, всю ее противоречивость. Реалистический взгляд на мир и на человека, взгляд, поистине достойный называться мудростью, приковывает к произведениям этих гениальных представителей культуры Возрождения внимание в наши дни так же, как это имело место на протяжении последних четырех столетий.

Согласиться с мнением, что конец кватроченто – это конец Возрождения, что с этого момента начинается упадок, деградация ренессансной культуры, значило бы признать произведения названных великих представителей философии, науки, искусства XVI в. – выражением деградации, упадка. Нельзя также, признавая величие того вклада, который эти гуманисты внесли в сокровищницу мировой культуры, объявить их творчество чуждым Ренессансу. Ведь в их творчестве ренессансная культура поднимается на высоту, превосходящую кватроченто, выдвигает идеи, значение которых выходит далеко за пределы породившей их эпохи. Наследие Коперника и Галилея, Кампанеллы и Мора, Рабле и Монтеня, Сервантеса и Шекспира, Рафаэля и Тициана, Микеланджело и Дюрера приобретает с каждой эпохой новый смысл, приносит новые и новые откровения. Лишь двух–трех деятелей XIV–XV в. в этом отношении можно поставить рядом с названными великими гениями второго этапа Возрождения.

Крушение иллюзий гуманистов XIV–XV вв. – это отнюдь не крушение ренессансной культуры. Напротив, XVI и начало XVII в. – время,

[50] *Рутенбург В.И.* Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974. С. 196–197.

когда, в отличие от первого этапа эпохи Возрождения, выдвигаются и получают распространение скептические идеи, – это период, когда культура Ренессанса достигла высшей точки своего развития, подводя человечество вплотную к культуре, в том числе и философии нового времени. Не упадок, не крах культуры Возрождения, а ее кульминацию, вершину ее достижений – вот что подарила нам эта эпоха, которую по справедливости следует именовать высоким Возрождением.

# ПОНЯТИЕ СЧАСТЬЯ В СИСТЕМЕ И. КАНТА

*Т.И. Ойзерман*

Философия обычно характеризуется как учение о весьма абстрактных, умозрительных, чуждых повседневному человеческому опыту вещах. Однако это лишь частично правильная характеристика, которая относится главным образом к изложению, а не к содержанию философии, которое в значительной мере почерпнуто из обыденного опыта и становится предметом критического анализа. Поэтому то, что исследуют, осмысливают философы, нередко оказывается предметом, который оживленно обсуждается в кругу далеких от философии людей. Едва ли найдется человек, который не размышляя бы о счастье, не пытался бы определить хотя бы только для себя самого, что же это такое. Но если этот человек не занимался изучением истории философских учений, ему, конечно, не придет в голову, что вопрос о счастье является одним из основных вопросов, проблемой (т.е.подлежащей исследованию задачей) философии, поскольку предметом ее исследования становится нравственность.

Родоначальник древнегреческой философии Фалес, отвечая на вопрос "Кто счастлив?", утверждал: "Кто телом здоров, натурой богат, душой благороден"[1]. Весьма показательно, что уже на этой начальной стадии философского развития понятие счастья связывается с нравственностью.

Ученик Сократа Антисфен, глава школы киренаиков, пошел уже несравненно дальше Фалеса, поскольку он полагал: "Достаточно быть добродетельным, чтобы быть счастливым"[2]. При этом он вовсе не касался того обстоятельства, что многие добродетельные люди отнюдь не счастливы, а счастливые (или считающие себя таковыми) сплошь и рядом лишены добродетелей.

Платон понимал счастье как созерцание трансцендентных идей, которое в этой земной жизни становится возможным для человека лишь в той мере, в какой ему удается отрешиться от чувственного восприятия

---

[1] Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1. С. 103.

[2] *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 237.